

ББК 87.21

Н.В. Лизина

Интенции управления временем в архаичных обществах

N.V. Lizina

The Intensions of Time Management in Archaic Societies

Рассматривается социально-философский аспект управления временем в архаичных обществах. Автор предполагает, что именно качества управленческой деятельности детерминируют специфику социальной организации времени общества в целом и ее особенности на каждом этапе истории.

Ключевые слова: управление, время, модель вечности, архаичные общества, социальная организация.

Как складывается и от чего зависит социальное время? Оно, на наш взгляд, принципиально немислимо вне управленческой деятельности. Конкретные свойства и черты социального времени определяются всей гаммой общественных отношений, динамикой их изменения. Именно качества управленческой деятельности детерминируют специфику социальной организации времени общества в целом и ее особенности на каждом этапе истории.

Ханна Арендт определяет отношение ко времени у греков как стремление к бессмертию. Бессмертие античности принципиально отличалось от вечности современных им восточных богов. Классические античные боги, строго говоря, не являлись вечными. Вечным был космос с его негаснущими звездами. Вечность предполагает неизменность, а греческие боги ссорились и вновь мирились или даже уничтожали друг друга [1, с. 32].

Природа каждый год умирала и оживала, звери и птицы умирали как особи, но продолжали свой род. Так же и человек как биологический вид был бессмертен. Но к этому времени у греков уже родилось представление об уникальности человеческой личности – провозвестник современного западного индивидуализма. И античные философы уже осознавали неповторимость каждой рожденной на свет человеческой души. Античный человек, обретший индивидуальность, но не обретший бессмертия, мучительно переживал разлад двух своих ипостасей – природно-родовой и личностно-индивидуальной. Природную родовую сущность человека поддерживал каждодневный труд рабов и женщин, осуществляющих продолжение рода. Эта работа по обеспечению физического существования считалась необходимой, но не достаточной для свободного человека, она не давала ему возможности проявить свою личность – то, что отличает человека от животного. «Человек – животное политическое», –

This work considers the socio-philosophical aspect of time management in archaic societies. The author supposes that exactly qualities of administrative activity determine the specific character of time in society in general and its features at each stage of history.

Key words: management, time, eternity model, archaic societies, society organization.

писал Аристотель, понимая под этим, что истинно человеческое, личностное, а не родовое, проявляет себя только в специально организованном сообществе – в полисе, который, переживая отдельных людей, сохраняет традицию, память и в некотором смысле так же бессмертен, как боги. Свободный человек, ведущий достойную деятельность на агоре греческого полиса, не мог смириться с мыслью, что его личность исчезнет бесследно. Зависть к бессмертным богам не была поэтической метафорой – это было повседневное чувство каждого свободного человека.

А.Ф. Лосев описывает этот феномен как переход от мифологической и эпическо-героической эпохи, когда человек был неразрывно связан со своим родом и через него со всем мирозданием, к эпохе классического греческого полиса, когда свободные индивиды осознанно объединялись для общественно-политической жизни [2, с. 117]. Если в мифологическую эпоху время воспринималось как нечто естественно-природное, неотделимое от мироздания богов, и людей, и их поступков, то уже в эпоху героического эпоса время стало восприниматься как препятствие для героя, которое иногда требуется преодолеть. А в эпоху полиса оформилось отношение ко времени как к все сметающему потоку, приносящему иногда случайное несчастье, иногда – заслуженную кару, но всегда разрушение людских дел и забвение. Победить это время и заслужить бессмертие, как у богов, человек мог только выдающимися деяниями, выделяющими его из безличного людского рода и навечно запечатлевающими в памяти потомков – коллективной памяти бессмертного полиса. Не так уж важно было, какого рода были эти деяния – добрые или злые, полезные обществу или нет. Именно такое отношение породило феномен Герострата.

В эпоху классического греческого полиса человеческое бессмертие воспринималось только как

бессмертие великих деяний, передаваемых риториками из поколения в поколение. Возможны споры о том, способствовало ли такое понимание возникновению агонального, соревновательного духа, которым отличались древние греки, или, наоборот, само являлось его порождением. «Всегда быть первым и преобладать над остальными», – провозглашается в «Илиаде» (цит. по: [3, с. 48]). Выделиться на поле брани, хотя бы и ценой смерти, – вот что отличало свободного человека от раба, предпочитающего смерти плен и рабское существование. Общественная жизнь полиса – знаменитая античная демократия – имела своей целью не привычные сегодня взаимовыгодную свободу общества предпринимателей или всеобщее согласие общества потребителей. Полис собирал на агоре свободных людей, отвлекшихся от домашней заботы только о своих природных нуждах. Доплатоновская демократия ориентировалась не столько на большинство, сколько на личность, не на сегодняшний день, а на память поколений. Она давала возможность каждому проявить выдающиеся качества своей уникальной, но смертной личности и тем заслужить бессмертие людской памяти и сравняться с бессмертными богами и героями. Наравне с военной или спортивной победой, такими деяниями могли послужить уникальная речь, жест или поступок. Ценилось именно действие, проявляющее того, кто его выполнял, а не результат или достижение. Поэтому уважение заслуживал не удачливый купец и не искусный ремесленник – торговавший и ремесло, возможно, приносили избыток, но они отнимали необходимое время, которое можно было потратить на единственно достойную человека деятельность. Конечно, созданное произведение (например, скульптура) могло прославить своего автора, но все рукотворные вещи, как и люди, казались преходящими. Только полис как сообщество людей, обладающих знанием и памятью, мог устоять под напором времени.

Физическая красота свободного, тренированного тела так же, как и деяние, могла прославить «владельца» и выделить его из многих. Красота воспринималась не как уникальное сочетание личных черт, а как отблеск гармонии, присущей бессмертным богам. Все бессмертное, по мысли греков, должно было быть совершенным. Безобразие должно было быть следствием временного и случайного. Не зря греки вплотную подошли к понятию иррациональных чисел, дифференциальных уравнений и прочего, но не определили их. Их эстетика оттолкнула кажущуюся неправильность, некрасивость этих понятий, и они посчитали, что такое уродство не может описывать бессмертный космос и принадлежать прекрасному миру идей.

Циклическое существование бессмертного мира, отсутствие некоего трансцендентного смысла во многом объясняют игровую легкость греческой культуры, ее

науки и философии. Выигрышем в этой игре служила возможность проявить себя, прославиться и этим уподобиться бессмертным богам. Жизнь, как и игру, стоило терпеть только при условии, что это либо приятно и интересно, либо обещает возможность выигрыша. Больных детей не оставляли жить вовсе не от суровости условий. По той же причине и врач, не могущий принести полное излечение, не был обязан лечить вовсе. Существование больного (или раба) было чисто физическим (или животным) и не стоило того, чтобы его вел человек, обладающий свободой с ним покончить. Так же и платоновский мир вечных идей мог включить человека как болельщика, наблюдающего за игрой мирового духа, но не мог сообщить ему часть своего трансцендентного смысла.

Позднее, когда полис разросся и перестал обладать притягательностью закрытого клуба, когда искусство красиво говорить оторвалось от искусства красиво поступать, словом, когда обнаружились многие из симптомов тех проблем, от которых страдает современное демократическое общество, бессмертие однозначно стало связываться только с миром идей. Платон, переживший казнь своего учителя Сократа, еще пытался создать теорию (или, по выражению А.Ф. Лосева, от-рефлектированную мифологию) правильного, вечного полиса в книге «Государство», но следующие за ним философы уже полностью отвергают политическую деятельность как недостойную и сосредотачиваются на размышлении о вечных идеях.

В греческой рациональности возникают два образа мира, нераздельной частью которого становится и время. Первый образ, рожденный греческой метафизикой и развитый у Платона, выступает как образ тотального мира и его ритмики как целостности. Это образ мира, понимаемый в модусе вечности, бесконечного «эона». И второй образ, сопряженный с первым, – образ мира в модусе «хроноса», т.е. земного времени, измеряемого числом и имеющим отношение к человеческому миру и его прошлому. Человеческое мышление и вся рациональная деятельность, в том числе управление, приобщаются к сфере ноэзиса, обращенного ко всему универсуму и управляемого законами разума, логоса. Добавим к тому же, что у Платона рациональное (образ идей) есть необходимая онтологическая основа гармонии универсума и универсума человека. Поэтому оказывается, что управление в платоновском понимании не может не быть целесообразным, обретающим свой смысл в гармонии вневременного, бесконечного эона и человеческого, индивидуального, земного хроноса. Такой гармонией двух типов времени организуется и структурируется изначальный хаос, так управляется окружающий космос.

Античное представление о вечности характеризуется иерархическим комплексом, который представляет собой онтологический аналог социально-политической структуры античной общности.

Это дает право говорить о понятии вечности как об атрибуте власти (т.е. социально-политической структуры, проецирующей себя в модель вечности в виде определенного иерархического комплекса) и о моделировании вечности в культуре как об одном из основных инструментов власти в управлении социумом: «Всякая традиционная власть (даже потестарная) в своем определении неизменно опиралась и опирается на возможно дальше уходящее вглубь времен сакрализованное “безвременье” и провозглашает себя преемственно-вечной в смысле опять “безвременья”, но уже уходящего в невидимое далекое будущее» [4, с. 73].

В восточных архаичных культурах вечность является областью, откуда правит миром только правитель. В эту область можно быть принятым (по рождению, посредством инициации), но невозможно захватить ее силой. Нельзя стать героем, правителем, если не предназначено судьбой, нет бога-покровителя и т.д. Завоевание вечности здесь в принципе невозможно, в отличие от античной европейской модели вечности. В восточных культурах централизованная власть, или вечность как область референции, является недостижимой для периферийных элементов культуры. Дистанция, которая разделяет императора и отдельного субъекта, и есть пространство иерархии, или иерархического комплекса, находящего свое отражение в модели вечности. Только у греков появляется онтологическая возможность «захвата вечности» (например, битвы титанов против богов, т.е. порожденного против породившего высшего) [4, с. 92].

Античная модель вечности связана с тем, что в классической философии названо структурой трансцендентального субъекта, которая представляет собой не конкретного человека во всем многообразии его проявлений, а прежде всего структуру *ratio*. Так, иерархический комплекс античной модели вечности, по которому каждый конкретный человек в принципе обладает всеобщим разумом, создает достаточные условия для того, чтобы любой человек теоретически

являлся источником обратного влияния на область вечности, потенциальной возможности управления ей.

Двойственность трансцендентально-трансцендентной области неизбежно влияет также на комплекс представлений о смерти, циркулирующий в античном обществе: с одной стороны, для античного человека смерть всегда имеет «сценарии» (вспомните классические греческие трагедии или эпос), и именно поэтому она также и «загробная жизнь»; с другой стороны, смерть всегда остается непознаваемым Неизвестным. Смерть представляет предельную точку процесса самоидентификации, полностью трансцендентную этому процессу и, соответственно, более не подвластную изменениям этого процесса. «Смерть в качестве всегда уже заранее установленной цели берет на себя роль вечности» [5, с. 99]. В период социального кризиса модели вечности представления о смерти также претерпевают изменения. На индивидуальном уровне человек оказывается не обеспеченным онтологическим сохранением: для него отсутствует не просто «место на кладбище», но отсутствует само «кладбище» с «могилами предков», т.е. трансцендентальная область, референтная область культуры, в которую «уходили» предыдущие поколения. Следы памяти о подобном мы также можем найти в греческих мифах и трагедиях, как, впрочем, и в мифологическом материале других архаических обществ. На социальном уровне разрушение трансцендентно-трансцендентальной области индуцирует представления о невозможности будущего для данной социокультурной общности, т.е. о «смерти» культуры. Как нам представляется, этот вывод справедлив и для современного общества. Впрочем, усматривается существенная разница между ролью античной модели вечности в управлении и ее современным аналогом: в античности вечность являлась своего рода социальной целью, конститутивным элементом культуры, общества. Превращение ее в средство влияет на ориентиры системы управления, которая становится гигантской системой средств манипулирования.

Библиографический список

1. Арндт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни.* – СПб., 2000.
2. Лосев А.Ф. *Античная философия истории.* – М., 1977.
3. Лосев А.Ф. *Гомер.* – М., 1960.
4. Андреев И.Л. Связь пространственно-временных представлений с генезисом собственности и власти // *Вопросы философии.* – 1999. – №4.
5. Арьес Ф. *Человек перед лицом смерти.* – М., 1992.